

СЕРГЕЙ МИХЕЕВ:

«ТЕРПЕНИЕ – ЭТО НАШЕ КОНКУРЕНТНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО»

Многим зрителям современных политических ток-шоу («Вечер с Владимиром Соловьевым» ТК «Россия-1» и др.), знаком Сергей Михеев, политолог, журналист и аналитик. Он – один из самых ярких и эмоциональных выступающих на федеральных, и частных телевизионных каналах российского ТВ, на радио или в Интернете.

Зрителей привлекает его манера вести

диалог, его позиция и та железная логика, с которой он отстаивает национальные интересы и честь родной страны.

— Сергей Александрович, по традиции я хотел бы попросить Вас как бы представиться. В данном случае, это у меня не слово паразит, а, действительно, это не вполне представление, потому что Вас все знают, а это некая самоидентичность. Как Вы сами для себя отвечаете на вопрос «Вы – кто?»

— Михеев Сергей Александрович, православный, русский, отец семейства, гражданин России. Каждое из этих обозначений для меня очень важно. Приоритеты я расставил тоже абсолютно осознанно.

— Как-то в одном интервью вы сказали следующее: «Опыт борьбы со злом, которое есть во мне, убедили меня в наличии метафизики в этом мире. Наиболее честно, верно и правильно на те вопросы, которые возникают у меня внутри, отвечает Православие». Когда у вас началась эта борьба и что вы называете «злом в себе»?

— Вопросы, в общем, такие, достаточно простые, банальные, понятные были у меня на протяжении всей жизни. В первую очередь: откуда во мне и вокруг меня некое темное зло, абсолютно однозначное начало, которое меня подвигает на какие-то, однозначно злые поступки. И добро, которое я тоже не могу не видеть, некий свет. Он, правда, так мелькал очень блекло и в основном в детстве, но, тем не менее, он все-таки когда-то был. Я особенно серьезно стал над этим думать, когда попал в армию на срочную службу. Не то чтобы она была героическая, отнюдь нет, но она была, скажем так, не очень простая. С 1985-го по 1987-й я служил в стройбате со всеми соответствующими радостями. Строительные части были особым миром. Туда попадало огромное количество людей, как сейчас бы сказали, неблагополучных. Тех, кто отсидел, тех по ком тюрьма ещё только плакала.

Сергей Михеев - генеральный директор центра политической конъюнктуры России, телеведущий: «У нашей оппозиции от слова «патриотизм» начинается изжога»

Фото: <https://cont.ws/@velikyuk/520801>

Там пышным цветом цвела «дедовщина», всякие «землячества». Короче, весь набор неуставных взаимоотношений. И именно в армии я стал впервые задумываться на религиозные темы. О Боге. О добре и зле. Я тогда понял, что Добро и Зло это не абстрактные понятия — они существуют физически, и они проявляются в людях. И там, в армии, я для себя сделал выбор, что пусть мне будет хуже, но я не стану на сторону зла. Я не стал «дедом» в том смысле, как это растолковывали тогдашние «понятия». Я просто дослужил свой срок. И я никогда об этом не пожалел, пусть это было и не очень комфортно. Вот я тогда для себя сделал главный моральный выбор, как мне кажется, на всю жизнь — я буду на этой стороне, а не на той. И в этом тоже был важный смысл — экстремальные ситуации заставляют делать выбор. И потом жить с этим. Ты можешь другим наврать про себя, а себе нет. Ты точно чувствуешь: вот здесь я поступил подло, а вот здесь я струсил, а вот здесь я сделал не то и не так, а вот здесь мог бы сделать лучше, да не сделал, по тем или иным, пятым-десятым причинам. Потом приходилось бывать тоже в разных экстремальных ситуациях, связанных с распадом Союза и со всеми теми ужасами, которые на постсоветском пространстве происходили, потому что я довольно долго после этого работал в инженерной Военно-воздушной академии им.Жуковского. И все эти ситуации, коллизии, они все больше и больше укрепляли меня в мысли о наличии этого метафизического добра и зла, и борьбы между ними. Родился я некрещеным. Был пионером и с детства слышал, что «Бога нет», и, честно говоря, вообще в моей жизни этого никогда ничего не было. Я просто вот

Телеканал «Россия 1». Сергей Михеев в программе «Вечер с Владимиром Соловьёвым»

пришел в какой-то момент к ощущению того, что хватит кривляться. Крестился в сорок лет. Довольно долго перед этим, наверное, лет двадцать как минимум, я сам с собой эти вопросы обсуждал и в принципе, уже со всем был согласен, но продолжал кривляться, как я сейчас это называю. И в какой-то момент я просто понял, что у меня больше нет сил, у меня больше нет сил врать самому себе и врать окружающим. В конце концов, ты - мужчина, надо сделать выбор, и бесконечно нельзя так. Не надо себя оправдывать, надо сделать некий поступок. Я закончил философский факультет в МГУ, но, правда, отделение политологии, кафедру мирового политического процесса. Постсоветским пространством занимался уже с 90-х годов. Но естественно, приходилось много читать, изучать, сталкиваться, опять же — я ездил по постсоветскому пространству довольно много и в том числе в республиках Средней Азии, Закавказья, ну и сталкивался с большим количеством людей. Я совершенно отчетливо осознал для себя и совершенно осознанно говорю: да, на мой взгляд, Православие наиболее адекватно, честно и полно отвечает на самые сутевые, самые глубокие вопросы жизни. Вот я не знаю у кого как, у меня это произошло через голову. Самое большое и важное, что мне это принесло — это честный взгляд на себя. А честный взгляд на себя дает возможность стать зрячим и вокруг себя. В какой-то момент я убедился, что человек без веры,

он - как слепой. Я прямо вот это чувствую и на фактах, на примерах из своей жизни и жизни окружающих в этом убедился.

Слепой видит то же, что вы, но не понимает смысла этих вещей. Он видит то же, что и вы видите, но настолько в причудливом выражении, как будто «человек блуждает в трех соснах».

— Вы как-то сказали, что, скажем, тема ответственного отношения родителей к детям, к семье — это тема более важная, чем встреча Ким Чен Ына с Дональдом Трампом. Но вы сами участвуете все больше в программах, где обсуждается то, что вы сами называете не таким важным. То есть, не получается, что вы работаете на разговоры о менее важном, чем о более важном?

— Конечно, получается. Я с этого начинал, собственно говоря, когда я говорил, что не надо из меня тоже делать героя, и я боюсь сказать что-то, что может косвенно ударить не по мне, а по тем темам, о которых мы говорим. Но может быть, это самооправдание, а может быть, и нет. Смысл в том, что в этих всех ток-шоу и прочее, и прочее: моя специализация — постсоветское пространство. Собственно говоря, это моя профессия. Получилось так, что я этим занимался и до 2014-го года, до событий на Украине. Но тогда просто это не выходило за пределы узкопрофессионального сообщества. Но моя жизнь была наполнена постсоветским пространством, той же самой Украиной, где я много раз работал, подолгу, и прочее, и прочее. 2014-й год, всё, что там случилось: Донбасс, Майдан, Крым — все это вынесло это на поверхность, и здесь невозможно было остаться где-то за кадром, это просто было невозможно, все было заполнено этой тематикой, и мне пришлось стать тоже, такой звездой экрана, что называется. Но 14-й, 15-й, 16-й год — эти обсуждения были более чем искренними, на мой личный взгляд. Они и технологически использовались, и у людей действительно кипело. Я согласен с тем, что чем дальше, тем больше все эти ток-шоу про Украину (а я участвую только в них, если говорить о ток-шоу. Ни в каких других ток-шоу на не политические мотивы я не участвую) превращаются в коммерческий сериал. Это действительно так. Люди любят сериалы. Это получилась такая странная форма, когда вот эти политические шоу превращаются в сериал с людьми вроде бы политологами. И каждый действительно высказывает свое мнение, но в итоге это просто сериал, который смотрят. Но при этом это остается моей профессией. И тут мы становимся жертвами, даже не политической

С.Михеев в политическом ток-шоу ставит на место русофоба из Польши

конъюнктуры. Тут скорее просто коммерция. Коммерция даже политическую конъюнктуру переработала в деньги. Потому что даже острая политическая ситуация, действительно крайне важная для России, для нашей внешней политики и даже внутренней, тоже постепенно превращается просто в коммерцию, потому что это дает рейтинги, рейтинги дают рекламные бюджеты. Вот, собственно говоря, и всё. Коммерция все съедает в значительной степени. Но до тех пор, пока телевидение будет

ориентироваться исключительно на коммерческие бюджеты, грубо говоря, на получение рейтингов и рекламные бюджеты, я думаю, что такие темы всегда будут где-то на окраине. Вот если вы сами их будете цеплять, тогда это будет работать, если нет, то я, честно говоря, сомневаюсь, чтобы кто-нибудь на эти темы стал бы разговаривать. Когда я говорю о том, что, знаете, если творческие люди, интеллектуальные люди, если они изменятся, вот тогда, так сказать, много изменится. Но к сожалению, не изменится до той поры, пока основной потребитель не изменится. А основной потребитель хочет эмоции. Ему продают эмоцию, даже не информацию, продают эмоцию. Он хочет увидеть эту эмоцию, он смотрит сериал, поэтому, к сожалению, на его страстях играют, как на пианино. И в этом смысле политические ток-шоу, они, еще хоть как-то пытаются цепляться за какие-то смыслы: вот геополитическая обстановка, вот смотрите — Россия, интересы, туда-сюда. А кто это смотрит? Это смотрят те люди, на страстях которых играют, как на пианино. Как нельзя алкоголика вылечить от алкоголизма, если он сам этого не захочет, так точно и нельзя вылечить телевизионную аудиторию от всего этого и само по себе людей, производящих продукт, если они сами это не осознают и не сделают выбор. Для себя не сделают выбор.

<http://rusdozor.ru/2017/12/15/sergej-mixeev-itogi-nedeli-3/>

- Как-то в одном из интервью вы говорили о теме денег, самоограничений и так далее. Только ли в состоянии какой-то нужды люди начинают задаваться важными смысло-жизненными вопросами, а любой комфорт, обрекает на бесконечные

разговоры про деньги, удобства и так далее?

- Полное счастье- это когда тебе ничего не надо вообще. Тебе не нужны ни деньги, ни положение, ни перспективы, ты вообще ни о чем не думаешь — вот это и есть счастье, но только оно пролетает. Так вот такого счастья на самом деле у богатых нет. Его нет. И более того, мне кажется, даже оттенков его практически никогда не встречается: чем больше ты громозишь вокруг себя, тем может даже больше ты от всего этого зависишь. Поэтому здесь этот вопрос более сложный. А другой вопрос, что касается социально-экономической модели, надо ли бороться с бедностью — это уже гораздо более плоский вопрос, вечный, но гораздо более примитивный. Надо бороться с бедностью, но вот что я вам скажу: а если мы поборем бедность, будет ли это означать, что все люди станут хорошими? Нет, не будет. Означает ли это, что всех надо держать в бедности, чтобы они стали хорошими? Тоже нет, тоже не означает. Вы можете быть в богатстве и прийти к истине, а можете быть совершенно нищим и бедным, и совершенно не отличаться по своей внутренней мотивации от того, кому вы на самом деле просто завидуете.

Я считаю Россию особой цивилизацией. Мне кажется, это крайне важно. И то, что у нее - православный фундамент — это тоже так, и даже люди, которые это отрицают, они все равно на самом деле в этой же парадигме продолжают жить как бы, потому что они добро и зло пока еще меряют, именно исходя еще из этих вещей. А это крайне важно, я даже не буду просто отрицать это, а все

равно именно так к этому относятся. И вот это, между прочим, ощущение своей личности, оно крайне важно и для достижения земных целей. Я уверен, что Россия — это успех, в том числе исторический успех. И вот эта личность нашей цивилизации, личность этого пути — это крайне важно. Но одна из составляющих нашего исторического успеха — это именно терпение.

Там, где другие не могли терпеть, — русские терпели и побеждали. Суворову приписывают фразу: «Терпение в бою — это победа» — абсолютно с ней согласен. Вот мне кажется, это блестяще, лаконично и однозначно. Там, где другие по тем или иным причинам пасовали, русские продолжали упорно добиваться своей цели с терпением и этой цели добивались. Терпение — это наше, если хотите, конкурентное преимущество.

Родители Сергея Михеева

— Вы говорили как-то, что выросли, если я не ошибаюсь, без отца? И вы это чувствовали в своей жизни. Этот опыт своего ощущения — как он у вас трансформировался в ваше отцовство? У вас же трое детей, да?

— У меня, к сожалению, только трое детей. Хотел бы я, может быть, и больше, ну уж не знаю, как там Бог даст. Я родился в Москве в 1967 году в обычной советской семье. Точнее, не совсем обычной: Вместе с братом мы росли без отца. Воспитанием детей мама занималась в одиночку, без помощи папы. Мать нас тащила, она вообще выворачивалась из себя, надрывалась, и она, что называется, - героиня, в каком-то смысле, потому что мы жили очень непросто. Я родился не с золотой ложкой во рту, не сын генерала и не академик. Поэтому, когда мне начинают рассказывать про бедность — не рассказывайте, я могу сам вам рассказать столько, что у вас волосы дыбом встанут. Отец уже умер, и, честно говоря, только когда он умер, я понял, насколько он мне дорог. И я ему все абсолютно простил. Я в какой-то момент почувствовал, что у меня нет к нему вопросов. Я ему все прощаю и за него молюсь. Но в своей жизни я иду от противоположного, Я стараюсь — хотя у меня нет такого опыта действительно полноценной, гармоничной, здоровой семьи, — но я, как могу, стараюсь это создавать у себя дома. То, чего не было у меня, я хочу, чтобы это было у моих детей. Бог даст сил, и я до конца это буду вести. Потому что, мне кажется, это крайне важно. Я считаю, что к вопросу о комфорте: в принципе, я мог бы дать детям с точки зрения материальной больше, чем они имеют, но я по многим моментам умышленно их ограничиваю. Это первое. Второе: я думаю, что важно им дать компас. Это в первую очередь касается того различия добра и зла, Для меня лично это важно. Я уж не знаю, какими там они будут православными, видимо, не блестящими, как и их отец, к сожалению, но вот, чтобы этот компас именно здесь имел корни, именно отсюда питал бы понятие о добре и зле — вот это я вижу своей задачей. Они будут попадать в самые разные ситуации, но надо, чтобы в какой-то момент, когда им будет совсем тяжело, чтобы они вытаскивали этот компас и понимали: вот эта стрелочка показывает на добро, а вот эта — на зло. И надо идти по той стрелочке, которая показывает на добро. Вот это то, что я для себя вижу задачей. А все остальное — уж как получится.